

СОВРЕМЕННЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ЛИНГВИСТИКИ

УДК 378.016:811.161.1. DOI 10.26170/FK20-03-06. ББК Ш141.12-9-99. ГРНТИ 16.21.27.
Код ВАК 10.02.20; 10.02.19; 13.00.02

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ФЕНОМЕНА «ПОЛОЖЕНИЕ ЖЕНЩИНЫ» В МЕЖДУНАРОДНОМ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ДИСКУРСЕ

Дзюба Е. В.

Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург, Россия)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-3833-516X>

Ткаченко Ю. Г.

Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург, Россия)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-5369-9594>

А н н о т а ц и я . В статье изучается концептуализация феномена «положение женщин» на основе языкового материала, представленного в учебных изданиях по русскому языку как иностранному, опубликованных в России и за рубежом в период с 1995 по 2015 гг. В качестве цели указывается определение специфики национальных концептуальных систем в отношении познания фрагмента окружающей действительности о месте и роли женщины в современном обществе. Особенности концептуальных систем проявляются при их сопоставлении, подтверждающем процессы взаимного проникновения и обогащения. Эмпирической основой выступают 30 отечественных и иностранных учебников русского языка, из которых было отобрано 5 и 7 соответственно на предмет наличия в них тематических разделов, освещающих жизнедеятельность женщины (в первую очередь – русской). Выделенные смысловые конструкты, понимаемые как вербализованные средствами языка обобщенные ментальные единицы операционной памяти и знания человека, позволили обнаружить значительно большее число семантических признаков рассматриваемого концепта в зарубежных учебниках русского языка, что может свидетельствовать о нарушении в указанных пособиях стратегии лингвокультурной корреляции. Подчеркивается, что при обнаружении когнитивных лагун русская концептуальная система может обогащаться новым знанием, привнесенным в нее иной концептуальной системой.

К л ю ч е в ы е с л о в а : концептуализация; концептуальная система; языковая картина мира; положение женщины; феминизм; русский язык как иностранный; лингвострановедение; лингводидактика; межкультурная коммуникация.

CONCEPTUALIZATION OF THE PHENOMENON OF WOMEN'S SOCIAL POSITION IN INTERNATIONAL EDUCATIONAL DISCOURSE

Elena V. Dziuba

Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg, Russia)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-3833-516X>

Yuliya G. Tkachenko

Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg, Russia)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-5369-9594>

Abstract. The article studies conceptualization of the phenomenon of women's social position on the basis of the language material of Russian as a foreign language coursebooks published in Russia and abroad in the period from 1995 to 2015. The aim of the study is to determine the specific features of the national conceptual systems in relation to the cognition of a fragment of the world about the place and role of women in modern society. The specific features of conceptual systems are revealed via a comparison, confirming the processes of mutual penetration and enrichment. 30 Russian and foreign textbooks have been analyzed, 5 and 7 of which were selected, respectively, for the analysis of thematic sections covering the life of a woman (primarily Russian). The selected semantic constructs, interpreted as generalized mental units of operational memory and knowledge verbalized by means of language, allowed the authors to discern a significantly greater number of semantic features of the concept in question in foreign textbooks of Russian as a foreign language, which may indicate a violation of the strategy of linguocultural correlation in these manuals. It is emphasized that when cognitive gaps are detected, the Russian conceptual system can be enriched with new knowledge brought into it by a different conceptual system.

Key words: conceptualization; conceptual system; linguistic worldview; women's social position; feminism; Russian as a foreign language; linguoculturology; linguodidactics; intercultural communication.

Для цитирования: Дзюба, Е. В. Концептуализация феномена «положение женщины» в международном образовательном дискурсе / Е. В. Дзюба, Ю. Г. Ткаченко. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2020. – Т. 25, № 3. – С. 71–83. – DOI: 10.26170/FK20-03-06.

For citation: Dziuba, E. V., Tkachenko, Yu. G. (2020). Conceptualization of the Phenomenon of Women's Social Position in International Educational Discourse. In *Philological Class*. Vol. 25. No. 3, pp. 71–83. DOI: 10.26170/FK20-03-06.

Благодарности: исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, научный проект № 1901300895 А «Учимся понимать Россию: когнитивные стратегии формирования методического материала по русскому языку как иностранному».

Acknowledgments: the research is accomplished with financial support of the Russian Foundation for Basic Research, Project No. 19-013-00895 "Learning to Understand Russia: Cognitive Strategies of Development of Teaching Aids in Russian as a Foreign Language".

Введение. Национальная концептуализация и категоризация действительности имеет свои специфические особенности. Согласно высказыванию А. Мацейны, «человек существует в месте обитания своего родного языка, воплощающего в себе человеческое осмысление окружающего его мира. Говоря на другом языке, человек оказывается в ином мире смыслов» [Мацейна 2019: 331], точнее – в условиях иной языковой картины мира, по-

нимаемой как запечатленное и актуализируемое в языке знание. Несовпадение языковых картин мира (наличие семантической асимметрии языков) свидетельствует о различии национальных концептуальных систем, обусловленных спецификой познавательной деятельности субъектов-носителей данных языков.

Знакомство с иной концептуальной системой осуществляется разными способами,

один из них – изучение иностранного языка, которое происходит посредством учебных материалов, не только содержащих сведения о фонетических и лексико-грамматических особенностях осваиваемого языка, но также транслирующих информацию о национальной культуре страны изучаемого языка, специфике мировосприятия носителей языка, системе ценностей народа. Соответственно содержательное наполнение учебного пособия, как медиатора межкультурной коммуникации, определяется концептуальной, коммуникативной и ценностной значимостью [см. подробнее: Куликова 2017: 58]. Учебник иностранного языка (в т. ч. русского как иностранного) транслирует «базовые элементы национальной концептуальной системы, воздействующие на получателя и интерпретируемые им» [Новикова 2018: 555].

Исторически русская онтология неразрывно связана с архетипом женщины-матери, соотносящимся со смыслами традиционного, установленного, незыблемого и выступающим в качестве одного из компонентов национальной системы ценностей. Категория женскости понимается как «материнское начало... начало семьи, всего эмоционального, смиренного...» [Воронина 2018: 175, 177]. Обращение к такой интерпретации образа женщины в настоящее время является доминантой и в гендерной политике российского государства.

Женская тема или проблематика, охватывающая в совокупности вопросы общества о роли и положении женщины, определяется в России с середины XIX в. в условиях многочисленных ограничений для женщин в профессиональной, социальной и семейной областях. Эта тема, однако, не утрачивает своей актуальности и в веке XXI-м.

В статье ставится **цель** выделить и проанализировать особенности концептуализации одной из базовых ценностей русской лингвокультуры (в данном случае – фрагмента картины мира в отношении роли и положения (русской) женщины) в российских и зарубежных учебниках по русскому языку, созданных для иностранной аудитории.

В качестве практического **материала** было отобрано 7 учебников русского языка, изданных за рубежом в период с 1995 по 2015 гг.,

а также 5 российских изданий для иностранцев с 2006 по 2015 гг.

Объектом работы выступает содержательное наполнение разделов российских и зарубежных учебных изданий по русскому языку как иностранному, освещающих повседневную жизнь, профессиональную и творческую деятельность (русских) женщин. Предметом исследования является сопоставление содержательных особенностей вышеуказанных разделов в российских и зарубежных учебных изданиях по русскому языку как иностранному.

При изучении эмпирических данных использовались **методы общенаучные** (анализ и синтез, обобщение и систематизация, а также сопоставление) и **лингвистические** (методы лексикографического, семантического, концептуального и контекстуального анализа и метод лингвокультурного комментирования).

Гипотезой исследования представляется положение о том, что транслируемое российскими и зарубежными учебными изданиями по русскому языку как иностранному представление о положении женщины в обществе не совпадает, и это становится свидетельством существенных различий в национальных концептуальных системах. В процессе понимания и интерпретации получателем нового знания происходит взаимопроникновение концептуальных систем и их взаимное обогащение, что необходимо при изучении иностранного языка с учетом усвоения особенностей «чужой» картины мира. С целью подтверждения выдвинутой гипотезы было проанализировано около 30 учебников, из которых только семь пособий, опубликованных за рубежом, и пять российских изданий актуализируют тематическую область или концепт *положение женщины*, «определяемое как самоорганизующееся пространство подвижных смыслов, демонстрирующее интерпретационную активность своих составляющих» [Ромашенко 2015: 149].

Обсуждение и результаты. Лексикографическое исследование семантического наполнения выражения *положение женщины*. Метод лексикографического анализа позволяет выявить основные смысловые компоненты изучаемого концепта, закрепившиеся в на-

циональном языке. Так, у лексемы *женщина* в толковых словарях фиксируются такие значения: 1. Женщиной называют лицо, противоположное по полу мужчине. 2. Женщиной называют лицо женского пола, начавшее половую жизнь (в противоположность девушке) [Дмитриев 2003]. Заметим, что если дефиниция к слову *женщина* в данном словаре формируется через отношение к противоположному полу, то значение лексемы *мужчина* трактуется иначе, безотносительно к противоположному полу, ср.: 1. Мужчина – это лицо мужского пола. 2. Мужчиной называют взрослого человека мужского пола в отличие от юноши, мальчика [Дмитриев 2003]. Основными единицами понятийного содержания являются компоненты 'пол' и 'возраст'.

В словаре Т. Е. Ефремовой количество семантических компонентов в структуре лексического значения рассматриваемых слов увеличивается и нивелируется разница в подходах к дефиниционному описанию лексем *женщина* и *мужчина*, ср.: *Женщина* – 1) лицо, противоположное по полу мужчине; 2) лицо женского пола как воплощение свойств, качеств этого пола; 3) лицо женского пола, состоящее или состоявшее в браке; *Мужчина* – 1) лицо, противоположное по полу женщине; 2) взрослый человек такого пола в отличие от юноши, мальчика; 3) такой человек, отличающийся твердостью, мужеством [Ефремова 2006]. Таким образом, в данном словаре у единицы *женщина* отмечаются семантические компоненты 'пол', 'возраст', 'семейное положение'.

Рассмотрим дефиниционное описание лексемы *femme/woman* в толковых словарях французского и английского языков. Во французском толковом словаре *Larousse* у данной единицы отмечаются следующие значения: 1) Être humain du sexe féminin; 2) Adulte de sexe féminin, par opposition à fille, jeune fille; 3) Épouse; 4) Adulte de sexe féminin, considéré par rapport à ses qualités, à ses défauts, à son activité, à son origine [Larousse http]; французский толковый словарь *Le Robert* предлагает такое дефиниционное описание: 1) Être humain du sexe féminin; 2) Adulte de sexe féminin. 3) l'ensemble des femmes; 4) présenter les caractères considérés comme propres aux femmes; 5) Femme unie par le mariage [Le Robert http].

Английский толковый словарь *Oxford* отмечает: *woman* – 1) an adult female human; 2) female humans in general; 3) a female worker, especially one who works with her hands; 4) a wife or sexual partner [Oxford http]; английский толковый словарь *Collins Cobuild* указывает следующие значения рассматриваемой единицы: 1) adult female human being; 2) women in general; 3) some people refer to someone's wife, lover, or girlfriend as their woman; [Collins Cobuild http].

Сопоставление представленных значений исследуемой лексемы *femme/woman* с дефинициями *женщина* в русских толковых словарях подтверждает наличие одинаковых семантических компонентов, актуализирующих 'пол', 'возраст' и 'семейное положение женщины'. В иностранных толковых словарях дополнительно указываются семы, которые актуализируют признак гендерного сообщества (ср.: 'все женщины', 'характеристики, присущие всем женщинам'); в английских словарях в дефинициях представлены семы, отсутствующие в других изученных лексикографических источниках: женщина 'сексуальный партнер', женщина – 'та, которая выполняет ручную работу'.

Обобщение выделенных семантических компонентов позволяет сделать вывод о схожих путях концептуализации феномена *женщина* в русской, французской и английской лингвокультурах, социальное положение которой детерминируется ее полом, возрастом и браком. Однако в иностранных словарях актуализируются дополнительные семантические признаки, указывающие на наличие особого гендерного (женского) сообщества, специфику женского физического труда, а также на сексуальные роли женщины.

Целесообразно провести подобный семантический анализ единицы *положение* с целью более точного определения семантического наполнения выражения *положение женщины*. В толковых словарях русского языка лексема *положение* имеет следующие значения: *местонахождение в пространстве, место, роль, состояние в коллективе, в семье, состояние, обусловленное какими-либо обстоятельствами* [Дмитриев 2003]; *условия существования кого-либо, чего-либо, совокупность обстоятельств, создающих определенную обстановку* [Ефремова 2006].

Лексикографический анализ позволяет выделить несколько актуальных для данного исследования сем, маркирующих концепт *положение женщины*: 'пол' (женский), 'возраст' (девочка, девушка, женщина, старушка), 'семейное положение' (жена, супруга), 'место / роль в семье', 'место / роль в коллективе', 'местонахождение / обстановка', 'условия существования / жизненные обстоятельства' (по материалам русскоязычных словарей).

Эмпирический материал английских и французских толковых словарей демонстрирует аналогичные семантические ориентиры когнитивного феномена *condition des femmes* и *women's condition*, ср.: *place que quelqu'un occupe dans une société hiérarchisée selon des critères économiques, culturels, sociaux, selon la classe à laquelle il appartient; situation, manière d'être, d'évoluer, de quelqu'un, d'un groupe à un moment donné, dans un contexte particulier; ensemble des circonstances, des faits, des éléments qui constituent le cadre d'une activité, le milieu, la situation favorables pour qu'une action se déroule, qu'un phénomène se produise* [Larousse [http](http://)]; *the state of a particular group of people because of their situation in life, their problems* [Oxford [http](http://)].

Анализ концепта *положение женщины* в российских учебниках русского языка для иностранцев. В исследуемых учебниках по русскому языку как иностранному были определены соответствующие тематические контексты, реализующие концепт *положение женщины*. Методы контекстного, концептуального и семантического анализа позволяют выделить в отобранных из учебников текстовых фрагментах вербальные единицы, которые реализуют смысловые конструкторы (смысловые компоненты концепта), отраженные в словарях, где фиксируется понятийная составляющая концепта, и отметить иные, культурно значимые и этноспецифические смыслы и коннотации изучаемого феномена.

В качестве иллюстрации методической процедуры анализа материала приведем один фрагмент исследования в более развернутом виде. В одном из учебных пособий для

чтения на русском языке как иностранном предлагается текст: *Вот стоит девушка, молодая и симпатичная. Может, познакомиться? А вот женщина, немолодая, но еще очень красивая...* [Бабурина 2008: 24]. В контексте выражен семантический компонент концепта *положение женщины* – 'условия, при которых на женщину обращает внимание мужчина – возраст и красивая внешность'. Этот смысловой компонент выражен лексическими единицами: *девушка, молодая, симпатичная; немолодая женщина, но еще красивая*. В рассматриваемом контексте, понимаемом как «сочетание семантически реализуемого слова с указательным минимумом» [Амосова 1963: 28], вербализуется смысловой конструктор¹ '*возраст и внешний вид*' как детерминанты женского существования.

Однако в текстах реализуются и иные смысловые компоненты, как правило, коннотативно окрашенные. Так, некоторые контексты реализуют смысловой конструктор '*отожествление женщины с домашней прислугой*', ср.:

– Антон, что ты собираешься делать вечером?

– Я буду слушать музыку. Потом буду смотреть телевизор, ужинать, после ужина гулять с друзьями.

– А что будет делать твоя мама?

– Она будет стирать, потом готовить ужин, потом мыть посуду, потом что-то еще делать [Караванова 2006: 186];

– Мы вставали в 6 часов утра, я готовила завтрак, мыла посуду [Бабурина 2008: 27];

– Хорошо быть женатым! Вот сейчас позвоню, жена дверь откроет, обнимет, поцелует, поможет переодеться и ужином накормит. После ужина лягу я на диван отдохнуть, а она мне газету вслух читает [Лебединский 2011: 162]. Очевидно, что подобные тексты отличаются ироническим содержанием, они помещаются в структуру учебного пособия с целью вовлечения в коммуникацию на иностранном языке, но вряд ли иронический тон описания женской темы отрицает сущность явления.

Стереотипное представление о женщине как прекрасном поле особенно репрезента-

¹ Под мыслительным / смысловым конструктором понимаются обобщенные ментальные единицы операционной памяти и знания человека, которые репрезентируются языковыми (или речевыми) единицами в конкретной коммуникативной ситуации; эти ментальные единицы конструируют одно смысловое поле, семантически объединяются «вокруг» отдельного когнитивного признака; термин используется в работах [Бабушкин 1997; Бабушкин, Дзюба 2019: 7; Дзюба 2018: 127; Еремина 2020].

тивно в текстах, связанных с празднованием международного женского дня 8 Марта, ср.: *Дорогие друзья! Сегодня мы с вами поговорим о важном в России дне – празднике 8-го (восьмого) марта. Женщинам дарят букеты цветов на работе и дома. Женщинам дарят подарки на работе и дома: обычно это косметика, домашняя техника или посуда [Amlinskaya http].* Таким образом, можно выделить актуальный для русской лингвокультуры смысловой компонент *‘выполнение женщинами стереотипных ролей – жены, матери, домашней хозяйки’*.

С более критических позиций освещается женская тема в текстах, актуализирующих конструкт *‘зависимость от желаний мужчины и семьи’* и *‘трудности в совмещении работы и заботы о ребенке’*; ср.: *Что делать женщине, которая хочет делать карьеру и иметь семью? Сначала нужно понять: даже если вы очень заняты на работе, вам нужно оставаться вдохновительницей своего мужа. Этого мужчина всегда ждет от женщины [Бабурина 2008: 188]; В современной жизни женщине все труднее сочетать роль матери и успешной деловой женщины. Часто приходится делать выбор между ребенком и карьерой [Родимкина 2015: 39].*

В учебных текстах отражается нежелание современной женщины мириться с положением домашней прислуги или одной лишь материнской ролью, что позволяет выделить смысловой конструкт *‘стремление женщин к независимости’*, ср.: *Здесь мало дур, здесь женщины не ждут принцев, а сами делают головокружительные карьеры, покупают жилье, занимаются спортом, назначают свидания. Они не льют слезы [Родимкина 2015: 29].*

В результате анализа тематических контекстов отечественных учебных пособий по русскому языку для иностранцев возможно представить выделенные смысловые конструкты: 1) *‘отождествление женщины с домашней прислугой’*; 2) *‘возраст и внешний вид как детерминанты женского существования’*; 3) *‘зависимость от желаний мужчины и семьи’*; 4) *‘стремление женщин к независимости’*; 5) *‘трудности в совмещении работы и заботы о ребенке’*; 6) *‘корреляция подарков к 8 Марта с выполняемыми женщинами стереотипными ролями жены, матери, домашней хозяйки’*.

Достаточно ограниченный набор конструктов репрезентирует факт обусловлен-

ности положения женщины внешними факторами и акторами – такими, как общество, мужчины, семья, работа, определяющими жизненные рамки женщины посредством многочисленных ограничений. В результате моделируется представление о женщине, подвергающейся постоянной дискриминации и стремящейся к независимости и освобождению. Такие концептуальные смыслы закрепились в сознании русского народа, они же транслируются в учебниках русского языка для иностранной аудитории.

Анализ концепта положение женщины в зарубежных учебниках русского языка для иностранцев. Как показывает изученный материал, концепт *положение женщины*, актуализированный в зарубежных учебных материалах, более объемен по своему смысловому наполнению и более насыщен по своей аксиологической плотности. Приведем некоторые примеры.

Контекст: *Тамара по профессии – инженер, но теперь она домашняя хозяйка. Тамаре теперь трудно: у них нет бабушки, в детский сад идти Ирочке рано, и Тамара должна сидеть дома [Le Fleming 1997: 60] – реализует смысловой компонент ‘место в обществе, выполняемая профессия’.* Лексические единицы со значением данного семантического признака (*инженер, домашняя хозяйка, сидеть дома*), употребленные в сочетаниях *инженер – теперь домашняя хозяйка – должна сидеть дома*, вербализуют идею нивелирования социального статуса при рождении ребенка.

Смысловой конструкт *‘отождествление женщины с домашней прислугой’* является самым частотным и показательным, актуализирующим женский опыт прислуживания на всех жизненных этапах, начиная от использования труда девочек по дому и заканчивая бабушкой, хлопочущей у плиты, пекущей пирожки и вяжущей носки. «Правильность» следования социальным предписаниям символизирует женскую обреченность и страдание, ср. многочисленные примеры из учебников: *Рассматриваю детский рисунок на тему «Моя семья». Мама нарисована у плиты, ...папа смотрит телевизор. А вот иной: девочки-сестры подметают пол, у одной в руке веник, у другой – совок, мама вытирает пыль. Главы семьи на рисунке вообще нет. «А папа в другой комнате, – объясняют де-*

вочки, – отдыхает после работы». Спросим еще, кто готовит, стирает, убирает, гладит, сидит с больным ребенком, все покупает, помогает делать уроки... Мама, мама, мама... [Smyth 2002: 441]; В большинстве семей все еще существует деление на мужские и женские обязанности. Домашнее хозяйство, мытье посуды муж считает женским трудом, унижающим его мужское достоинство! [Le Fleming 1997: 198]; – У нее все хорошо? – Просто замечательно. Он помогает ей готовить, стирать, мыть посуду и ходит в магазин. – Да, ей действительно повезло! – А ему не повезло. Бедный мальчик должен сам все готовить, стирать, мыть посуду и ходить в магазин [Dronov 1995: 109–111]; Пока суп варится, я убираю квартиру – вытираю пыль, мою полы, трясу одеяла на балконе, разбираю белье, замачиваю свое и Димино в «Лотосе», собираю для прачечной, а детское оставляю на завтра. Провертываю мясо для котлет, мою и ставлю на газ компот, чищу картошку. ...мне становится ужасно жаль себя. Теперь я уже реву вовсю, приговаривая, что я делаю-делаю, а не сделанного все прибавляется, что молодость проходит, что за день я не сидела ни минуты. ...муж сидит на диване и читает. Я ему говорю, что у меня тоже высшее образование и мне надо заниматься. Он говорит, что рад за меня [Bécourt 1977: 376].

В последнем примере женщина, как «хорошая» жена и хозяйка, выполняет всю домашнюю работу и от безысходности обращается к своему мужу, сидящему на диване с книгой, напоминая ему о таком же уровне образования, как и у него, тем самым пытаясь указать на несправедливость перекладывания всех забот на ее плечи. Но муж демонстрирует свое пренебрежение к данному факту, подтверждающему парадоксальную ситуацию: по статистике, в России женщин с высшим и средним специальным образованием больше, чем мужчин, но при этом женское жизненное пространство уже, часто оно обусловлено рутинным домашним трудом и нетворческой малооплачиваемой профессиональной работой.

Подтверждением 'непрестижности «женского труда»' являются следующие примеры: Теоретически в нашей стране женщина равна с мужчиной, и поэтому она получает равную зарплату. Дело в том, что большинство женщин работает там, где зарплата ниже. Например, в здравоохранении, в образовании [Le Fleming 1997: 202]; Не-

равенство с мужчинами в гарантиях занятости: женщины имеют меньше шансов получить работу, чем мужчины, безработица среди женщин выше, чем среди мужчин [Kagan 2015: 138].

Смысловой компонент 'демаркация социального пространства женщины и ее жизненных целей' актуализирован в следующих контекстах: Я за то, что женщине давно пора указать ее место: семья и только семья! [Tall 1996: 181]; будущее все-таки за женщиной-женой, а не за женщиной-министром [Tall 1996: 181]; ...все должно быть направлено на воспитание детей и на завоевание права быть любимой женой [Tall 1996: 182]; женщины редко занимают руководящие посты в бизнесе и государстве [Kagan 2015: 138]; девочки часто вынуждены бросать школу / университет, чтобы помочь по дому или начать работать [Kagan 2015: 138].

Циничное отношение к женщине зиждется на гендерных стереотипах. Смысловой конструкт 'неизменность стереотипов' вербализуется в следующих контекстах: Большая проблема – стереотипы, существующие до сих пор [Le Fleming 1997: 197]; Хорошая жена: всю жизнь любит мужа, во всем слушается мужа, уважает мужа, делает всю работу по дому [Kagan 2015: 125].

Несмотря на тот факт, что многие женщины принимают актуальное положение вещей, оставаясь пассивными и подчиняющимися (правящий мужской мир совершает губительную ошибку, обходясь без женского мнения по важнейшим вопросам жизни общества. Но такую же ошибку совершает и женский мир, не заявляя о своем праве разделять с ним не только судьбу, но и бремя решений, и ответственность за будущее [Tall 1996: 175]; ...главное – в душе русской женщины, в ее желании и умении любить мужчину, в ее безграничной самоотверженности и жертвенности [Kagan 2015: 112]), транслируемое учебными пособиями знание о дискриминационном положении женщины может трактоваться как призыв к активным действиям, могущий мобилизовать женское население в отстаивании своего права на социальную свободу, ср. актуализированные в учебных текстах смысловые компоненты: 'политическая активность женщин' (Активного феминистского движения, как на Западе, у нас пока нет. В России появляется множество женских групп, открыто протестующих против несправедливого отношения

к женщине [Tall 1996: 135]; 'стремление к независимости от мужчины' (в настоящее время женщина стремится быть наравне с мужчиной, сделать карьеру, чтобы чувствовать себя материально независимой [Kagan 2015: 136])).

Однако стремление к независимости порицается обществом и рассматривается как 'угроза традиционному жизненному укладу', ср. контексты: экономическая независимость женщины привела к ослаблению внутрисемейных экономических связей, и это не могло пройти бесследно. Исчезла старая большая семья, состоящая обычно из трех поколений [Bécourt 1977: 297]; Я считаю, что женщине совсем не нужны независимость и равноправие с мужчинами! Я считаю, что все беды современного общества в том, что женщины хотят, чтобы мужчины «отказались от господствующего положения» [Tall 1996: 182], а борьба за право быть человеком может стоить женщине жизни. В зарубежных учебниках вербализуются следующие смысловые конструкты: 'семейное насилие', ср.: Во всем мире на прошлой неделе отметили Международный день борьбы за ликвидацию насилия в отношении женщин. Каждые 9 секунд избивают женщин. В России ежегодно 14 тысяч женщин гибнут от насилия в семье. Насилие бывает не только в семьях алкоголиков, но и в обеспеченных семьях: в семьях кандидатов и докторов наук, директоров фирм ... [Kagan 2015: 112] и 'оправдание насилия', ср.: Раньше говорили: «Бьет – значит любит» [Kagan 2015: 112].

Следует упомянуть о включении в содержание тематических разделов зарубежных учебников текстовых фрагментов о нетрадиционной сексуальной ориентации женщин, реконструирующих смыслы маргинализации и отторжения как несвободу и подавление женщин [см. подробнее об этом: Ткаченко 2020: 190], ср.: Нас считают психически больными. Многие лесбиянки выходят замуж, потому что не в силах выдержать такое положение. Общество осуждает нас, думая, что мы извращенцы и сумасшедшие... [Tall 1996: 130]. Подчеркнем, что обсуждение подобных тем нехарактерно для российского педагогического дискурса, публикуемые в отечественных учебниках материалы традиционно обходят эти нетрадиционные темы стороной.

Проблемы социального неравенства активно обсуждаются в европейском обществе и подкрепляются соответствующими законо-

дательными актами. Отношения между женщинами и мужчинами в плане равенства прав и возможностей, в частности в 'равном распределении домашних обязанностей', изменяются: В вопросе разделения труда молодая семья на сегодняшний день более прогрессивна: многие супруги (и муж, и жена) считают, что все домашние дела надо выполнять сообща [Smyth 2002: 443]; У нас с женой хорошие взаимоотношения. Мы помогаем друг другу. Мы честно распределяем между собой домашние обязанности [Rubinstein 1977: 44].

В результате анализа тематических текстов зарубежных учебных пособий по русскому языку можно представить комплекс выделенных смысловых конструктов: 1) 'независимость как угроза традиционному жизненному укладу'; 2) 'безысходность'; 3) 'пренебрежение к личностному развитию женщины'; 4) 'отождествление женщины с домашней прислугой'; 5) 'равное распределение домашних обязанностей'; 6) 'нивелирование социального статуса женщины при рождении ребенка'; 7) 'понятие женского труда'; 8) 'неизменность стереотипов'; 9) 'низкая оценка женского труда'; 10) 'политическая активность женщины'; 11) 'общественное осуждение нетрадиционной сексуальной ориентации'; 12) 'игнорирование женского мнения'; 13) 'смирное принятие женщиной актуального положения вещей'; 14) 'женское самоуничижение, служение'; 15) 'демаркация социального пространства и жизненных целей'; 16) 'семейное насилие'; 17) 'оправдание семейного насилия'; 18) 'стремление к независимости от мужчины'.

Выделение на основании анализа зарубежных учебных пособий по русскому языку многочисленных смысловых конструктов позволяет объединить их в тематические микрогруппы на основании транслируемого ими семантического признака, отражающего факторы влияния на положение женщины: 1) **социальные факторы (влияние общества):** 'пренебрежение к личностному развитию женщины', 'нивелирование социального статуса женщины при рождении ребенка', 'понятие женского труда', 'низкая оценка женского труда', 'неизменность стереотипов', 'общественное осуждение нетрадиционной сексуальной ориентации', 'игнорирование женского мнения', 'демаркация социального пространства и жизненных целей', 'оправдание семейного насилия'; 2) **«фамильные» факторы (влияние семьи):** 'отождествление женщины с домашней прислугой', 'равное распределение до-

машинных обязанностей', 'нивелирование социального статуса женщины при рождении ребенка', 'неизменность стереотипов', 'игнорирование женского мнения', 'семейное насилие', 'оправдание семейного насилия'; 3) **субъективные (психологические) факторы**, представляющие женщину как активного или пассивного субъекта: 'независимость как угроза традиционному жизненному укладу', 'безысходность', 'политическая активность женщин', 'смирненное принятие женщиной актуального положения вещей', 'женское самоуничижение, служение', 'стремление к независимости от мужчин'.

Представим вариант интерпретации знания, получаемого из учебного дискурса, отражающего тот фрагмент картины мира, который касается положения женщины в социуме. Внешняя среда (общество) не способствует личностному развитию женщины, ограничивая ее жизненное пространство посредством насаждаемых стереотипов и препятствуя достижению целей. Общество определяет зоны возможной самореализации женщины: семья, женская профессия, сексуальность. При этом в этих зонах действуют механизмы подавления и ущемления прав: валоризация пониженного социального статуса при рождении ребенка, низкая оплата труда, замалчивание семейного насилия, стигматизация нетрадиционной сексуальной ориентации. Семья использует женщину для оправдания и поддержания своего существования любыми способами психологического и физического давления. Сама женщина в когнитивном плане реагирует на актуальную ситуацию неоднозначно: соглашаясь с предъявляемыми к ней требованиями, противоборствуя им, мирясь со своим положением по причине его безысходности на сегодняшний день.

Выводы. Проблематика положения женщины, высвечивающая такие явления, как место, занимаемое ею в обществе в зависимости от экономических, культурных и социальных критериев, как совокупность обстоятельств, определяющих ее деятельность и существование в целом, находит резонанс как в российском, так и в иных европейских социумах. Анализ некоторых русско-, франко- и англоязычных лексикографических источников позволяет конкретизировать смысловые компоненты концепта *положение женщи-*

ны: 'пол' (женский), 'возраст' (девочка, девушка, женщина, старушка), 'семейное положение' (жена, супруга), 'место / роль в семье', 'место / роль в коллективе', 'местонахождение / обстановка', 'условия существования / жизненные обстоятельства'. В иностранных толковых словарях, в отличие от толковых словарей русского языка, наблюдаются дополнительные признаки, отражающие сексуальные роли женщины и наличие специфического (женского) труда. Все выявленные компоненты находят свое отражение в отобранном для анализа учебном материале.

Рассмотрение взятых методом сплошной выборки тридцати учебных пособий по русскому языку, изданных в России и за рубежом, позволило выделить из них двенадцать (семь зарубежных и пять отечественных), в которых поднимается для обсуждения в иностранной аудитории вопрос о положении женщин в обществе. Обращение к учебным пособиям, изданным в России, позволило выделить 6 смысловых компонентов изучаемого концепта; в зарубежных учебниках русского языка для франко- и англоязычной аудитории было выделено 18 таких компонентов, что свидетельствует о более богатой концептуализации феномена *положение женщины* именно у жителей европейских стран (выявленные смысловые компоненты концепта отражены в таблице).

Обнаружение значительно большего числа когнитивных признаков рассматриваемого концепта в зарубежных учебниках русского языка, с одной стороны, становится доказательством нарушения в указанных пособиях стратегии лингвокультурной корреляции. Это явление типично для ситуации, когда учебники иностранного языка создаются авторами, для которых язык и культура страны изучаемого языка не являются родными. На страницах пособий по русскому языку иностранные авторы средствами этого национального языка представляют историю и культуру не России, но быт и традиции своей собственной страны; авторы стремятся не столько раскрыть специфику ментальности народа-носителя изучаемого языка, сколько отобразить собственное видение мира [см. подробнее об этом: Дзюба 2019: 53-56]. В данном случае мы наблюдаем недостаточную корректность в подборе и представлении учебного материала. При этом следует отме-

тить, что понимание транслируемых смыслов всегда обусловлено качественным познанием соответствующего фрагмента действительности (здесь: проблемы положения женщины в обществе) получателем, когнитивная картина мира которого может содержать когнитивные лакуны или, наоборот, обнаруживать такие «пустоты» у отправителя. Соответственно, семантическая интерпретация знания в любом случае является индивидуальной. Примером тому является выделение в тематических контекстах смысловых конструкторов о положении женщин самими авторами статьи. Когда в отечественном учебнике по русскому языку для иностранцев (2006 года издания) читаем: – *А что будет делать твоя мама? – Она будет стирать, потом готовить ужин, потом мыть*

посуду, потом что-то еще делать..., мы можем понимать это высказывание как нейтральное, не имеющее положительных или отрицательных коннотаций, осмыслить его ‘как домашние дела мамы’, предполагая, что авторы данного текста никогда не задумывались над существованием «женских» проблем. Однако в этом текстовом фрагменте также можно увидеть указание на то, что русская женщина традиционно вынуждена выполнять все рутинные работы по дому, что свидетельствует о неизменности русского семейного уклада. В такой интерпретации появляется смысловой конструктор ‘*неравное распределение домашних обязанностей*’ и, наконец, следующий признак – ‘*предназначение женщины*’ как ее следование своей «естественной» сущности.

Таблица

Смысловые компоненты концепта *положение женщины* в российских и зарубежных учебниках русского языка для иностранцев

В РОССИЙСКИХ УЧЕБНИКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА ДЛЯ ИНОСТРАНЦЕВ	В ЗАРУБЕЖНЫХ УЧЕБНИКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА
1) ‘отождествление женщины с домашней прислугой’;	1) ‘независимость как угроза традиционному жизненному укладу’;
2) ‘возраст и внешний вид как детерминанты женского существования’;	2) ‘безысходность’;
3) ‘зависимость от желаний мужчины и семьи’;	3) ‘пренебрежение к личностному развитию женщины’;
4) ‘стремление женщин к независимости’;	4) ‘отождествление женщины с домашней прислугой’;
5) ‘трудности в совмещении работы и заботы о ребенке’;	5) ‘равное распределение домашних обязанностей’;
6) ‘корреляция подарков к 8 Марта с выполняемыми женщинами стереотипными ролями жены, матери, домашней хозяйки’	6) ‘нивелирование социального статуса женщины при рождении ребенка’;
	7) ‘понятие женского труда’;
	8) ‘неизменность стереотипов’;
	9) ‘низкая оценка женского труда’;
	10) ‘политическая активность женщин’;
	11) ‘общественное осуждение нетрадиционной сексуальной ориентации’;
	12) ‘игнорирование женского мнения’;
	13) ‘смирненное принятие женщиной актуального положения вещей’;
	14) ‘женское самоуничижение, служение’;
	15) ‘демаркация социального пространства и жизненных целей’;
	16) ‘семейное насилие’;
	17) ‘оправдание семейного насилия’;
	18) ‘стремление к независимости от мужчины’

С другой стороны, нельзя не отметить, что концептуальные системы отправителя и получателя (в том числе – в образовательном дискурсе) вступают во взаимодействие, дополняя и «обучая» друг друга. Каждая концептуальная система несет в себе новое знание об окружающей действительности. Читая, что *девочки часто вынуждены бросать школу / универ-*

ситет, чтобы помочь по дому или начать работать, недостаточно осведомленный получатель этой информации впервые задает себе вопрос: а не была ли вынуждена его дочь приостановить свое обучение по тем же самым причинам и каковы последствия этого решения? Таким образом, при освоении «чужого» языка и культуры осуществляется взаимоо-

богачение национальных концептуальных систем. Вероятно, этот факт следует учитывать при отборе учебного материала: преподавателям иностранного языка имеет смысл обращаться не только к текстам, созданным в рамках собственной культуры, но также к тем материалам, которые создаются зарубежными коллегами. Целесообразно и учителям русского языка как иностранного обращаться к тем учебникам, которые подготовлены за пределами России, которые созданы авторами – носителями русского языка как неродного. Это способствует взаимодействию национальных концептуальных систем и отчасти снимает возможные трудности межкультурной коммуникации. При этом наиболее удачными в отношении развития межкультурной коммуникативной компетенции считаются те учебные пособия, которые составлены коллективом автором, включающим носителей русского языка как родного (т. е. носителей русской языковой картины мира), и носителей того языка, который является родным для иностранной аудитории, что в определенной степени обеспечит взаимообогащение разных национальных когнитивных систем.

Заключение. Изучение иностранного языка следует считать способом расширения когнитивных горизонтов, переосмысления ценностей и жизненных установок, что подразумевает взаимопроникновение национальных концептуальных систем.

При анализе особенностей концептуализации фрагмента картины мира в отношении роли и положения (русской) женщины в обществе, исследуемых при обращении к российским и зарубежным учебникам по русскому языку как иностранному, можно сделать вывод о том, что российские издания транслируют некритичное, устаревшее осмысление

актуального положения (русской) женщины в (русской) социокультурной среде, что способствует формированию у иностранного получателя определенного концептуального видения изучаемого фрагмента действительности. Небрежное отношение авторов к подбору тематического языкового материала, допускающего неоднозначную интерпретацию передаваемых смыслов, вызывает множество вопросов об их семиотической функции.

Очевидно, что зарубежные учебные пособия обогащают русскую концептуальную систему новым знанием о проблемах женщин, включая в образовательный дискурс идеи борьбы с социальным неравенством, когда при гарантии защиты своих прав на конституционном уровне в реальной жизни женщины дискриминируются как в профессиональной сфере, так и во всех областях, связанных с реализацией равных с мужчиной возможностей личностного развития. В частности, любое учебное французское издание проходит государственный контроль на наличие в его содержательном наполнении сексистских стереотипов, указаний на любые (в т. ч. гендерные) различия между людьми. Вероятно, подобный критерий должен быть применен и к оценке отечественных учебных изданий – как школьных, так и вузовских. Это имеет смысл заимствовать не просто как факт ориентации на Запад, это должно быть следствием естественного процесса переосмысления феномена русской женщины. Русская лингвокультура, хранящая традиции восприятия женщины как хранительницы семейного уклада, в XXI в. должна быть обогащена новыми значимыми представлениями о женщине и ее положении в обществе, и эти идеи должны транслироваться в том числе в образовательном дискурсе.

Литература

- Амосова, Н. Н. Основы английской фразеологии / Н. Н. Амосова. – Л. : Изд-во Ленинградского университета, 1963. – 207 с.
- Бабурина, К. Б. Шкатулка : пособие по чтению для иностранцев, начинающих изучать русский язык / К. Б. Бабурина, Т. Д. Брайнина, Т. Д. Жабоклицкая. – 3-е изд., стереотип. – М. : Русский язык. Курсы, 2008. – 224 с.
- Бабушкин, А. П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка, их личностная и национальная специфика : дис. ... д-ра филол. наук / Бабушкин А. П. – Воронеж, 1997. – 330 с.
- Бабушкин, А. П. Модели структурной организации артефактных категорий / А. П. Бабушкин, Е. В. Дзюба // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2019. – № 1. – С. 5–12.

Воронина, О. А. Символизм женственности и мужественности в русской культуре / О. А. Воронина // Верхневолжский филологический вестник. – 2018. – № 4 (15). – С. 172–178.

Дзюба, Е. В. Когнитивная лингвистика : учебное пособие для высших учебных заведений / Е. В. Дзюба. – Екатеринбург, 2018. – 280 с.

Дзюба, Е. В. Стратегии презентации образа России в учебниках русского языка для славянских народов / Е. В. Дзюба, С. А. Еремина, В. Ю. Миков [и др.] // Образ России в международном образовательном дискурсе: лингвокогнитивный и лингводидактический аспекты : коллективная монография / под ред. Е. В. Дзюбы. – Екатеринбург, 2019.

Дмитриев, Д. В. Толковый словарь русского языка / Д. В. Дмитриев. – М. : АСТ, 2003.

Еремина, С. А. Особенности концептуализации образа России в учебниках русского языка как иностранного для франкофонов / С. А. Еремина // Когнитивные исследования языка. – 2020. – Вып. XLII. – С. 212–216.

Ефремова, Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка : в 3 т. / Т. Ф. Ефремова. – М. : АСТ ; Астрель ; Харвест, 2006.

Караванова, Н. Б. Говорите правильно! Курс русской разговорной речи (для говорящих на английском языке) / Н. Б. Караванова. – 6-е изд., стереотип. – М. : Русский язык. Курсы, 2006. – 304 с.

Куликова, Л. В. Миссия учебника по РКИ в формировании позитивной концептуальной картины мира о России / Л. В. Куликова // Политическая лингвистика. – 2017. – № 1 (61). – С. 53–59.

Лебединский, С. И. Русский язык как иностранный : учебник / С. И. Лебединский, Г. Г. Гончар. – 2-е изд., доп. и перераб. – Минск, 2011. – 402 с.

Мацейна, А. Падение буржуазии / А. Мацейна ; пер. с литов., предисл. и коммент. М. В. Медоварова. – СПб. : Владимир Даль, 2019. – 413 с.

Новикова, М. Г. Текст: система смыслов / М. Г. Новикова // *Cognitio* и *Communicatio* в современном глобальном мире : материалы VIII Международного конгресса по когнитивной лингвистике / отв. ред. вып. Л. А. Маерко. – М. : МГУ имени М. В. Ломоносова ; Неолит, 2018. – 984 с.

Родимкина, А. М. Россия день за днем: тексты и упражнения / А. М. Родимкина, Н. Лансман. – 3-е изд., испр. – СПб. : Златоуст, 2015. – Вып. 1. – 136 с.

Ромашенко, М. А. Актуализация понятий «Концепт» и «Концептуальное поле» в методологии историко-филологических исследований / М. А. Ромашенко, А. А. Ромашенко // Грамота. – 2015. – № 7 (57) : в 2-х ч. – Ч. I. – С. 147–150.

Ткаченко, Ю. Г. Репрезентация категории ФЕМИНИЗМ в русской и французской языковой картине мира : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Ткаченко Ю. Г. – Екатеринбург, 2020. – 238 с.

Amlinskaya, Yu. 10 Russian Lessons: Russian Vocabulary and Culture in Short Texts / Yu. Amlinskaya. – URL: ojcrb.files.wordpress.com/2020/05/10-lic3a7c3b5es-de-russo-russificate.pdf (mode of access: 10.07.2020). – Text : electronic.

Bécourt, M.-F. Méthode 90. Le russe en 90 leçons et en 90 jours / M.-F. Bécourt, J. Borzic. – Librairie générale française, 1977. – 464 p.

Collins Cobuild. – URL: <https://www.collinsdictionary.com> (mode of access: 12.06.2020). – Text : electronic.

Dronov, V. Le nouveau russe sans peine / V. Dronov. – 2nd edition. – France : Assimil, 1995.

Kagan, O. E. Russian From Intermediate to Advanced / O. E. Kagan, A. S. Kudrya, F. J. Miller. – Routledge Taylor and Francis Group, 2015. – 450 p.

Larousse. – URL: <https://www.larousse.fr> (mode of access: 12.06.2020). – Text : electronic.

Le Fleming, S. Colloquial Russian. The complete course for Beginners / S. Le Fleming, S. E. Kay. – England : Coventry, 1997. – 316 p.

Le Robert. – URL: <https://dictionnaire.lerobert.com> (mode of access: 12.06.2020). – Text : electronic.

Oxford. – URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com> (mode of access: 12.06.2020). – Text : electronic.

Rubinstein, G. Speak better Russian / G. Rubinstein. – Defense language institute, 1997.

Smyth, S. RUS[®]: a comprehensive course in Russian / S. Smyth, E. Crosbie. – Cambridge University Press, 2002. – 718 p.

Tall, E. Let's talk about life!: an integrated approach to Russian conversation / E. Tall, V. Vlasikova. – 1996. – 274 p.

References

Amlinskaya, Yu. 10 Russian Lessons: Russian Vocabulary and Culture in Short Texts. URL: ojcrb.files.wordpress.com/2020/05/10-lic3a7c3b5es-de-russo-russificate.pdf (mode of access: 10.07.2020).

Amosova, N. N. (1963). *Osnovy angliiskoi frazeologii* [The basics of English phraseology]. Leningrad, Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta. 207 p.

Baburina, K. B., Brainina, T. D., Zhaboklitskaya, I. I. (2008). *Shkatulka* [Jewelry box]. Moscow, Russkii yazyk. Kursy. 224 p.

Babushkin, A. P. (1997). *Tipy kontseptov v leksiko-frazeologicheskoi semantike yazyka, ikh lichnostnaya i natsional'naya spetsifika* [Types of concepts in the lexico-phraseological semantics of a language, their personal and national specific features]. Dis. ... d-ra filol. nauk. Voronezh. 330 p.

Babushkin, A. P., Dzyuba, E. V. (2019). Modeli strukturnoi organizatsii artefaktnykh kategorii [Models of structural organization of artifact categories]. In *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya*. No. 1, pp. 5–12.

Bécourt, M.-F., Borzic, J. (1977). *Méthode 90. Le russe en 90 leçons et en 90 jours*. Librairie générale française. 464 p.

Collins Cobuild. URL: www.collinsdictionary.com (mode of access: 12.06.2020).

Dmitriev, D. V. (2003). *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian language]. Moscow, AST.

- Dronov, V. (1995). *Le nouveau russe sans peine*. 2nd edition. France, Assimil.
- Dzyuba, E. V. (2018). *Kognitivnaya lingvistika* [Cognitive linguistics]. Ekaterinburg. 280 p.
- Dzyuba, E. V. (2019). Strategii prezentatsii obraza Rossii v uchebnikakh russkogo yazyka dlya slavyanskikh narodov [Strategies of presenting the image of Russia in Russian language textbooks for Slavic peoples]. In Dzyuba, E. V. (Ed.). *Obraz Rossii v mezhdunarodnom obrazovatel'nom diskurse: lingvokognitivnyi i lingvodidakticheskii aspekty*. Ekaterinburg. 208 p.
- Efremova, T. F. (2006). *Sovremennyyi tolkovyy slovar' russkogo yazyka : v 3 t.* [Modern dictionary of the Russian language, in 3 vols.]. Moscow, AST, Astrel', Harvest.
- Eremina, S. A. (2020). Osobennosti kontseptualizatsii obraza Rossii v uchebnikakh russkogo yazyka kak inostrannogo dlya frankofonov [Peculiar features of conceptualization of the image of Russia in textbooks of Russian as a foreign language for Francophones]. In *Kognitivnye issledovaniya yazyka*. Issue XLII, pp. 212–216.
- Kagan, O. E. (2015). *Russian from Intermediate to Advanced*. Routledge Taylor and Francis Group. 450 p.
- Karavanova, N. B. (2006). *Govorite pravil'no! [Speak correctly!]*. 6th edition. Moscow, Russkii yazyk. Kursy. 304 p.
- Kulikova, L. V. (2017). Missiya uchebnika po RKI v formirovanii pozitivnoi kontseptual'noi kartiny mira o Rossii [The mission of Russian as a foreign language textbook in forming a positive conceptual worldview of Russia]. In *Politicheskaya lingvistika*. No. 1 (61), pp. 53–59.
- Larousse. URL: <https://www.larousse.fr> (mode of access: 12.06.2020).
- Le Fleming, S. (1997). *Colloquial Russian. The complete course for Beginners*. England, Coventry. 316 p.
- Le Robert. URL: dictionnaire.lerobert.com (mode of access: 12.06.2020).
- Lebedinskii, S. I. (2011). *Russkii yazyk kak inostrannyi* [Russian as a foreign language]. Minsk. 402 p.
- Matseina, A. (2019). *Padenie burzhuazii* [The fall of the bourgeoisie]. Saint Petersburg, Vladimir Dal'. 413 p.
- Novikova, M. G. (2018). *Tekst: sistema smyslov* [Text: System of meanings]. Moscow, MGU imeni M.V. Lomonosova, Neolit. 984 p.
- Oxford. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com> (mode of access: 12.06.2020).
- Rodimkina, A. M., Landsman, N. (2015). *Rossiya den' za dnem: teksty i uprazhneniya* [Russia day by day: Texts and exercises]. Saint Petersburg, Zlatoust. 136 p.
- Romashchenko, M. A., Romashchenko A. A. (2015). Aktualizatsiya ponyatii «Kontsept» i «Kontseptual'noe pole» v metodologii istoriko-filosofskikh issledovaniy [Actualization of the notions "Concept" and "Conceptual field" in the methodology of historico-philosophical research]. In *Gramota*. No. 7 (57), in 2 parts. Part 1, pp. 147–150.
- Rubinstein, G. (1997). *Speak better Russian*. Defense language institute.
- Smyth, S., Crosbie, E. (2002). *RUS': A comprehensive course in Russian*. Cambridge University Press. 718 p.
- Tall, E., Vlasikova, V. (1996). *Let's talk about life! An integrated approach to Russian conversation*. 274 p.
- Tkachenko, Yu. G. (2020). *Reprezentatsiya kategorii FEMINIZM v russkoi i frantsuzskoi yazykovoi kartine mira* [Representation of the category FEMINISM in the Russian and French linguistic worldview]. Dis. ... kand. filol. nauk. Ekaterinburg. 238 p.
- Voronina, O. A. (2018). Simvolizm zhenstvennosti i muzhestvennosti v russkoi kul'ture [Symbolism of femininity and masculinity in Russian culture]. In *Verkhnevolzhskii filologicheskii vestnik*. No. 4 (15), pp. 172–178.

Данные об авторах

Дзюба Елена Вячеславовна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры межкультурной коммуникации, риторики и русского языка как иностранного, Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург, Россия).

Адрес: 620017, Россия, Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26.

E-mail: ev_dziuba@uspu.me.

Ткаченко Юлия Геннадьевна – старший преподаватель кафедры романо-германской филологии, Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург, Россия).

Адрес: 620017, Россия, Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26.

E-mail: tka55@yandex.ru.

Author's information

Dziuba Elena Vyacheslavovna – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of Department of Intercultural Communication, Rhetoric and Russian as a Foreign Language, Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg, Russia).

Tkachenko Yuliya Gennadievna – Senior Lecturer of Department of Romance-Germanic Philology, Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg, Russia).